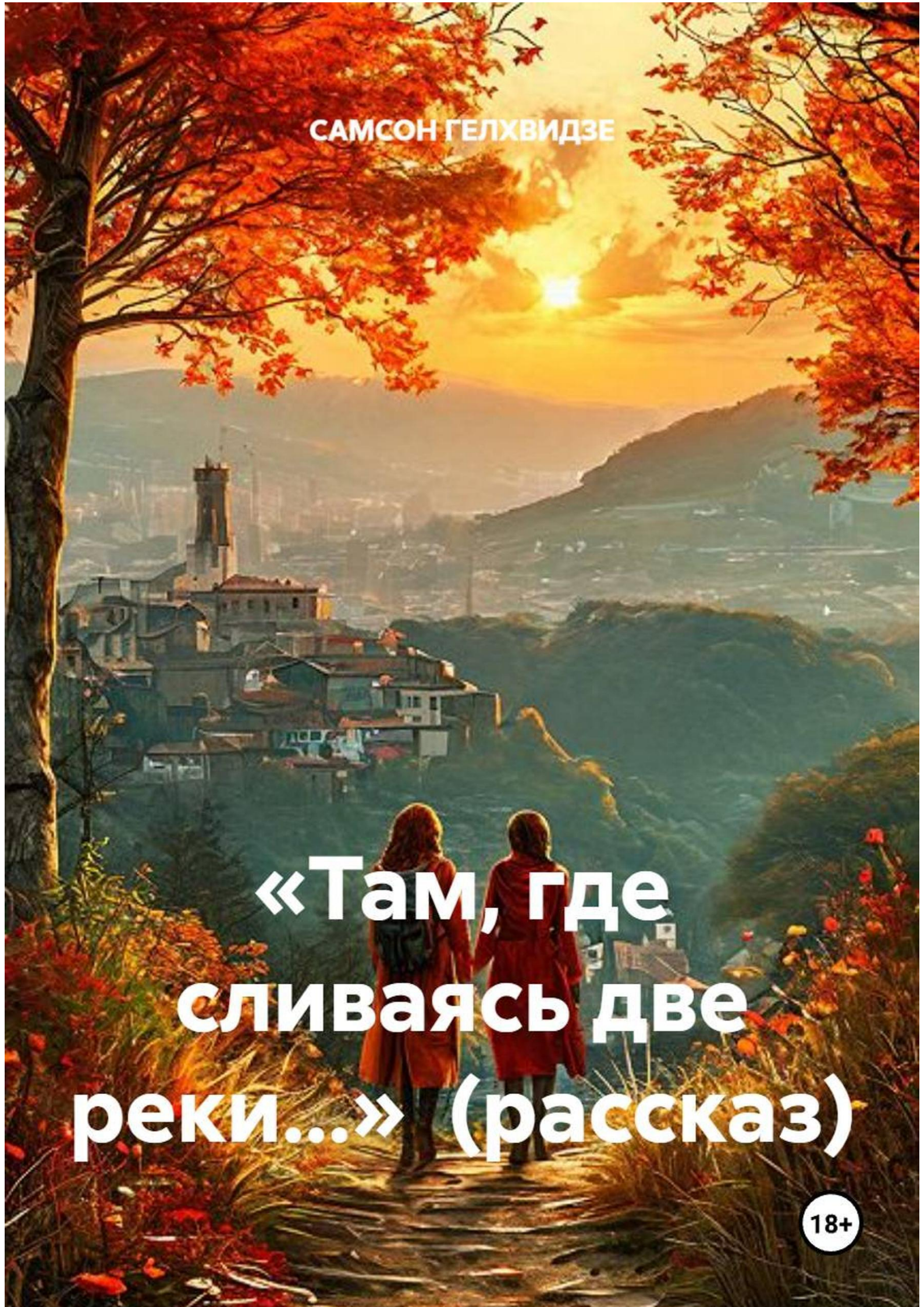

The background image is a vibrant autumn scene. In the foreground, two women with long hair, wearing red coats, stand on a dirt path, looking away from the viewer towards a distant town. The path is flanked by trees with bright orange and red leaves. In the middle ground, a town with a prominent church spire is nestled in a valley. The background features rolling hills and a bright, hazy sunset or sunrise sky with a large sun partially obscured by clouds. The overall color palette is dominated by warm autumn tones like orange, red, and yellow, contrasted with the cooler blues and greys of the distant town and hills.

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

**«Там, где
сливаясь две
реки...» (рассказ)**

18+

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

**«Там, где сливаясь
две реки...» (рассказ)**

«Автор»

2026

ГЕЛХВИДЗЕ С.

«Там, где сливаясь две реки...» (рассказ) / С. ГЕЛХВИДЗЕ —
«Автор», 2026

Современный рассказ нашего времени, о любви, мире и дружбе между
людьми разных стран, которые преодолевают разные препятствия на пути
достижения своих целей

© ГЕЛХВИДЗЕ С., 2026

© Автор, 2026

САМСОН ГЕЛХВИДЗЕ

«Там, где сливаясь две реки...» (рассказ)

Самсон Гелхвидзе: «Там, где сливаясь две реки...» - (рассказ)

Раннее утро Тбилиси было особенным. Город просыпался медленно: первые лучи солнца мягко скользили по крышам старых домов, отражаясь в извилистых потоках Куры, которые шепчут свои древние истории. Камни мостов, отполированные веками, хранили отголоски шагов тех, кто прошёл здесь столетия назад. Шорох листвы в парках и лёгкий ветер, доносящий запах кофе с ближайшей улицы, создавали гармонию, где каждый звук был музыкой, каждый запах — аккордом, а каждый взгляд на город — приглашением к философскому размышлению.

Алексей стоял на набережной, наблюдая за течением реки, держа руки в карманах, ощущая лёгкую прохладу ветра. Его взгляд скользил по мостовой, где мастера снуют с корзинами, полными фруктов, свежего хлеба и ароматных трав. Рыночные запахи смешивались с ароматом утреннего дождя, недавно пролитого на камни старого города. Здесь русский язык, с которым он вырос, звучал в его памяти как песня, эхом переплетаясь с грузинским, который он только начал понимать через музыку слов Руставели.

— Как два мира, два потока... — тихо пробормотал Алексей, — которые встречаются, сливаются и создают что-то новое...

Он думал о Пушкине, о силе русского языка, о том, как каждое слово несёт в себе историю, эмоцию, память. И в то же время он ощущал Руставели, его величие, горный и сильный, как сама земля Грузии, где каждый звук рождается словно в унисон с природой.

Птицы, пробуждающиеся в садах и парках, пели свои утренние трели. Голуби на крышах старого города перекликались с криками чаек над рекой. На рынках торговцы выкрикивали цены на фрукты, овощи, сыры и пряности. В воздухе витали запахи свежего хлеба, трав, жареного кукурузы. В этом смешении Алексей слышал не только шум города, но и музыку двух культур, двух языков, которые переплетались в его сердце.

Он сделал несколько шагов по мостовой, где камни были отполированы веками и скользили под ногами. Каждый шаг отзывался эхом в его душе, напоминая о том, что слова — это мосты между людьми, эпохами и мирами. Здесь он впервые ощутил, что любовь, язык и культура могут соединяться, как воды двух рек, создавая гармонию и смысл.

Алексей остановился у старого фонтана, украшенного резными камнями и фигурами львов. Вода плескалась тихо, создавая ритм, который, казалось, совпадал с биением его сердца. Он закрыл глаза и подумал о том, как странно и чудесно переплетаются его судьба и города, два языка и две культуры, два сердца, которые ждут встречи.

— Каждый звук, каждое слово... — пробормотал он, — это как песня, которую я слышу внутри. И я хочу, чтобы эта песня никогда не прекращалась...

Мимо проходили люди: старики с тростями, молодые пары, студенты с книгами под мышкой, торговцы с корзинами фруктов и цветов. Каждый из них был частью этого города, частью этой музыки, частью той истории, которую Алексей так остро ощущал. Он понимал, что Тбилиси — это не только камни, мосты и реки, но и дыхание народа, его слова, смех, слёзы и песни, которые несут память и культуру через века.

И тогда он впервые ощутил, что пришёл в место, где два мира — его родной русский и новый, грузинский — могут встретиться. Здесь, на этой набережной, между рекой и его небольшим притоком, в сердце старого города, родилась идея, что любовь, культура и язык — это силы, способные соединять людей, несмотря на расстояния и преграды.

Алексей сделал вдох, полный ароматов города: пряности, хлеб, травы, цветы, влажная земля после дождя. Он знал, что впереди будут встречи, испытания, любовь, борьба, но именно здесь, на этом мосту, он понял одно: два мира могут сливаться, как две реки, как два языка, как два сердца. И что каждый шаг, каждое слово, каждый взгляд будут частью этой гармонии, этой великой встречи культур, истории и любви.

Библиотека дышала тишиной и запахами старых страниц. Алексей осторожно продвигался между стеллажами, держа в руках толстый том по средневековой грузинской литературы. Он искал материалы о языке Пушкина на родине Руставели, сочетая интерес к Пушкину и Руставели, и чувствовал, что без чужой помощи может заблудиться.

Нино стояла у соседнего стеллажа, погружённая в том Пушкина. Она была студенткой-филологом, Пушкинологом, работала над дипломным проектом. Вдруг её взгляд пересёкся с Алексеем, и внутри неё что-то резко сжалось: чужестранец, посторонний, вмешивающийся в её академический мир.

— Извините... — осторожно начал Алексей, — Вы не подскажете, где можно найти материалы о языке Пушкина на родине Руставели?

Нино подняла глаза, холодно оценив его. Он старше, увереннее, и явно не из её круга. Её раздражение мгновенно вспыхнуло.

— Я сама ищу книги для дипломного проекта, — сказала она прохладно. — Но если вам нужны точные издания, вам лучше обратиться к сотрудницам. Они сидят у стойки у входа. С ними можно уточнить, где что лежит.

Алексей кивнул, слегка улыбаясь:

— Спасибо... Я пробовал сам, но понимаю, что мне нужна помощь.

Нино отвела взгляд к своим страницам, но продолжила наставлять его, сохраняя холодный тон:

— Там три сотрудницы. Одна отвечает за старые издания, вторая — за рукописи и редкие книги, третья — за новинки и периодику. Если скажете, что ищете «язык Пушкина на родине Руставели», они поймут, что искать. Я сама туда не хожу — работаю с современными источниками.

Алексей кивнул, внутренне благодарный за точные инструкции. Их взгляды встретились на мгновение, и Нино быстро отвела глаза, возвращаясь к своей книге. Антипатия осталась: чужак, непрошлый, опытнее... Но она почувствовала, что через эту общую тему — язык Пушкина на родине Руставели — их пути могут пересечься снова.

— Спасибо, — тихо сказал он, — приятно встретить кого-то, кто знает библиотеку лучше, чем я.

Нино кивнула холодно, чуть медленнее, чем обычно, сохраняя дистанцию, но внутренне удовлетворённая тем, что её знание оказалось полезным, пусть и чужаку.

После того как Алексей ушёл к библиотекарям, Нино продолжила работу над своим томом Пушкина, но мысли её всё ещё возвращались к нему — постороннему,

уверенно ищущему Руставели и одновременно упомянутому Пушкина. «Странный человек...» — думала она, встряхивая голову.

Через час Алексей вышел из библиотеки, держа в руках несколько томов. Он шёл по узкой улице старого квартала, погружённый в свои заметки. И вдруг — почти как знак — Нино оказалась на той же улице, спешащая в своё любимое кафе с ноутбуком и книгой.

Он заметил её сразу. Сердце учащённо забилося.

— Нино! — позвал он, не совсем уверенно, но с искренним интересом. — Мы встречались в библиотеке. Вы мне подсказывали про сотрудников.

Она замерла, слегка нахмутив бровь: «Чего он здесь хочет?»

— А, да... — холодно, но сдержанно сказала она, не останавливаясь полностью. — Вы нашли нужные книги?

— Да, спасибо вашему совету. — Алексей сделал шаг ближе, не теряя уверенности. — Но я подумал, что нам стоит обсудить тему, о которой мы говорили: язык Пушкина на родине Руставели. Это уникальная точка пересечения наших интересов, и... мне было бы интересно услышать ваше мнение.

Нино слегка замерла. Она не ожидала, что он проявит такое упорство и настойчивость. Её антипатия всё ещё жила: старше, опытнее, уверенный в себе... но его энтузиазм был заразительным.

— Я... — начала она, подбирая слова, — я занята дипломным проектом, и времени мало.

— Я понимаю, — улыбнулся Алексей, — но можем просто обсудить это за кофе? Я не буду отнимать много времени.

Она посмотрела на него: глаза его были открыты и внимательны, искренний интерес читался в каждом движении. Она внутренне сопротивлялась, но понимала, что разговор может быть полезен — и интересно.

— Ладно, — сказала она сухо, — пять минут. Не больше.

Они зашли в кафе, сели за столик у окна. Алексей раскрыл свои заметки, показывая, как он сопоставляет Пушкина и Руставели. Нино сначала слушала с холодом, сдерживая эмоции, но постепенно начала замечать глубину его анализа и увлечённость темой.

Он говорил с энтузиазмом, глаза горели интересом, а каждое слово было словно мостом, соединяющим два мира — её академический Пушкин и его исследовательский Руставели. Нино оставалась осторожной, но в уголках сознания уже зарождалось понимание: он действительно способен её удивить.

— Ну что ж, — сказала она наконец, — возможно, мы действительно можем обсудить это вместе... на короткое время.

Алексей улыбнулся, чувствуя победу: первый шаг к настоящему диалогу сделан, и мост между их интересами — язык Пушкина на родине Руставели — начал соединять их миры.

Кафе было тихим, почти пустым, лишь лёгкий шум кофемашины и звон чашек нарушал спокойствие. Алексей разложил перед собой заметки, аккуратно поставил том о Руставели рядом с её Пушкиным.

— Смотрите, — начал он с лёгкой улыбкой, — я пытался сопоставить обороты языка Пушкина с тем, что использовал Руставели. Интересно, как некоторые конструкции похожи, хотя века и культуры разные.

Нино нахмурилась, сдерживая раздражение: «Он опять старается показать свой опыт...» Но она скептически наклонилась к его заметкам.

— Ммм... — сказала она сухо, — у вас интересно, но я сомневаюсь, что прямое сопоставление возможно. Контекст разный, стиль разный.

— Именно! — оживился Алексей, видя, что её внимание зацеплено. — И всё же есть общие элементы. Например, использование метафор, ритмика, даже отдельные конструкции. Если правильно подойти, можно показать влияние языка Пушкина в контексте Грузии.

Нино посмотрела на него внимательнее. Его энтузиазм был замечен, но он не пытался её принизить или спорить ради спора.

— Ладно... — сказала она, слегка смягчая тон, — да, интересно. Но всё равно я буду держать критический подход. Это диплом, знаете ли.

— Конечно, — кивнул Алексей, — я не прошу вас соглашаться со мной. Просто хочу услышать мнение специалиста, Пушкинолога.

Нино чуть улыбнулась про себя. Он называл её специалистом, уважал её позиции, и это пробивало её внутренний барьер.

— Тогда хорошо, — сказала она, уже чуть теплее. — Посмотрим, что у вас получилось. Но предупреждаю: я буду задавать много вопросов.

— С удовольствием, — ответил Алексей, и в его голосе звучала искренняя радость. — Чем больше вопросов, тем лучше для обоих.

И так начался их совместный разбор материалов. Алексей объяснял свои находки по Руставели, Нино критиковала и уточняла по Пушкину. Каждый обмен фразами держал их на дистанции, но постепенно мост между их интересами становился крепче. Она по-прежнему была осторожна, но её антипатия начала смягчаться перед искренним интересом Алексея и тем, как он увлечённо рассуждал о языке и литературе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.